

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

*доктор экономических наук,
директор Института проблем глобализации*

КАК ВЫМИРАЕТ “БЛАГОПОЛУЧНАЯ” РОССИЯ

Причины, динамика, тенденции

1. КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ

Вымирание населения России продолжается. Его минимальная скорость была достигнута в августе 2009 года. Но затем долговременные демографические “волны”, обусловившие тогда минимальную смертность при максимальной рождаемости, начали расходиться, и надежды безграмотной части бюрократии на нормализацию ситуации не оправдались.

В первой половине 2011 года естественная убыль населения номинально сократилась (со 142,2 до 138,8 тыс. чел.), однако в расчете на 1 тыс. человек – в силу общего сокращения населения – ситуация не изменилась. После сокращения естественной убыли населения с 2,5 чел. на тысячу живущих (промилле) в первой половине 2009 года до 2,0 промилле в первой половине 2010 года в аналогичном периоде 2011 года естественная убыль осталась на уровне 2,0 промилле.

Рождаемость снизилась вместе со смертностью: первая с 12,3 до 11,9 на 1 тыс. человек, вторая – с 14,3 до 13,9 промилле; таким образом, тенденция сокращения смертности (как из-за изменения половозрастного состава населения, так и в силу инерционных последствий улучшения жизни в 2000-е годы) сохранилась, а тенденция повышения рождаемости (по тем же причинам) прекратилась.

Безусловным позитивным явлением стало заметное снижение младенческой смертности (это обобщающий показатель качества жизни, хотя он, похоже, фальсифицируется, хотя и не так сильно, как убийства): с 8,1 на тысячу родившихся живыми в первой половине 2009 года до 7,6 в первой половине прошлого года и до 7,1 в аналогичном периоде 2011 года.

Демографическая ситуация в стране определяется сочетанием собственно демографических факторов, являющихся исключительно долгосрочными и крайне инерционными, с последствиями социально-экономической политики государства, способной при значительных усилиях весьма существенно и долговременно корректировать “демографические волны”.

Эти “волны” связаны с численностью различных поколений и изменением их отношения к деторождению в силу изменения их образа жизни.

Вместе с тем тезис российской либеральной пропаганды, по которому демографическая ситуация не поддается сознательной корректировке со стороны государства, а любое стимулирование рождаемости ведет к последующему компенсационному ее падению, представляется циничной ложью, призванной прежде всего оправдать продолжающуюся демографическую катастрофу.

Частным случаем этой лжи является ссылка на то, что и в развитых странах Европы численность населения снижается, и в этом плане мы движемся в общеевропейском тренде.

Оставив в стороне сугубо прагматические возражения (прежде всего – зачем нужна “цивилизация”, продвижение к которой означает вымирание), отметим несоответствие рассматриваемого утверждения реальному положению дел. Ведь, если в развитых странах женщина в среднем имеет столько детей, сколько хочет, россияне, по данным Левады, имеют на одного ребенка меньше, чем хотят (среднее число детей, которое, по их мнению, должно быть в семье, составляет 2,5 ребенка, а реальное – 1,5 ребенка*).

Демографические последствия Великой Отечественной войны и либеральных реформ для нашей страны вполне сопоставимы. Почти двукратное падение рождаемости в сочетании с почти двукратным ростом смертности в начале 90-х годов, получившее название “русского креста”, не может быть вызвано никакими объективными причинами и в силу своей статистической однозначности полностью разоблачает либеральную ложь.

Неверие либералов в возможность сознательного улучшения демографической ситуации обусловлено ограниченностью самого либерализма: поскольку его идеологические догмы носят противоестественный для нормального человеческого существа характер, даваемые им рецепты в принципе не способны привести к улучшению демографической ситуации.

Но это касается не любой государственной политики, а лишь его разрушительной, либеральной политики.

Человек, будучи частью живой природы, всецело подчиняется ее объективным законам: попав в благоприятные, соответствующие его природе условия, он, как и любой другой биологический вид, начинает бурно размножаться. Создание таких благоприятных условий и есть не только идеальная, но и вполне реальная, достижимая практически цель государства.

Непосредственная причина вымирания России заключается в невыносимых социально-экономических условиях, в которых искусственно удерживается ее население.

По данным центра Левады, летом 2011 года лишь 16% россиян обладали уровнем потребления, характерным для “среднего класса”, то есть не испытывали нехватки денег для покупки товаров длительного потребления. 83% россиян такую нехватку испытывали, то есть были бедными (в том числе 8% испытывали нехватку денег на покупку еды, а 28% – на покупку одежды).

При этом в 2011 году наблюдается даже некоторое ухудшение ситуации. Так, по данным Росстата, реальные доходы населения снизились в первом полугодии на 1,4%. А в I квартале 2011 года, несмотря на благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру (цена нефти устойчиво превышала 110 долл/барр), численность населения с доходами ниже прожиточного минимума выросла по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 2,3 млн чел.

Социально-экономические условия ведут и к ухудшению общественного здоровья, усугубляемого последовательным уничтожением системы здравоохранения (и тем более системы обеспечения безопасности потребительских товаров) в рамках либеральных реформ.

Наиболее наглядно о разрушении общественного здоровья свидетельствует прекращение акселерации молодежи и снижение среднего роста призывников (до того массовое снижение роста целого народа на протяжении жизни одного поколения отмечалось лишь в Северной Корее), однако оно сильнее всего проявляется и в репродуктивной сфере. Так, по данным главного акушера-гинеколога России В. Кулакова, 15% семейных пар в России страдает бесплодием, и число их увеличивается.

Вместе с тем жизнь человека определяется далеко не только материальными факторами; психологический климат в обществе не менее важен для его благополучия, чем уровень жизни и уверенность в завтрашнем дне (также отсутствующая в России). Человеку нужны не только благосостояние, но и чувство принадлежности к чему-то большему, чем он сам, – некая “сверхзадача”, вне зависимости от ее реалистичности и адекватности, – а также ощущение справедливости, соответствия повседневных правил жизни принятым в данном обществе моральным установкам.

* <http://semya.globl.ru/publ/18-1-0-300>.

Без этого человек просто вымирает, — что мы и видим. Лишенные смысла жизни и перспектив, россияне массово уничтожают себя — не только самоубийствами, наркотиками и алкоголем, но и проявляющейся в гомерических масштабах бытовой неосторожностью. Это не менее важный фактор продолжающейся демографической катастрофы, чем искусственная бедность, неуверенность в завтрашнем дне, разрушение морали и общественного здоровья.

Наглядное улучшение ситуации в 2000-е годы было вызвано ростом уровня жизни за счет нефtedолларов, просыпавшихся обществу с пиршественного стола коррумпированной бюрократии и олигархии. На изменение ситуации повлияло и вступление в фертильный возраст поколения “детей Горбачева”, родившегося благодаря снижению пьянства из-за “сухого закона”.

Однако к настоящему времени эти резервы исчерпаны:

– коррупционные аппетиты растут быстрее цен на нефть, сокращая доходы населения (которые рассматриваются правящей тусовкой как законная добыча),

– социальная сфера последовательно разрушается (новый виток ее уничтожения намечен на 1 июля 2012 года, когда после инаугурации следующего президента вступит в действие закон “О бюджетных организациях”),

– отложившие рождение ребенка в нищете и ужасе 90-х либо родили детей, либо утратили способность к деторождению,

– “поколение Горбачева”, попав в неблагоприятные социально-психологические, а во многом и экономические условия, в демографическом плане выдохлось (хотя в политическом, будучи самым многочисленным из ныне живущих поколений, себя покажет, — как в демократической революции конца 80-х — начала 90-х показало себя самое многочисленное тогда поколение послевоенных “бэби-бумеров”).

Это обуславливает неизбежность нового витка ухудшения демографической ситуации в России, — как минимум, в текущем десятилетии.

2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

2.1. Рождаемость и смертность

Говоря о предстоящем ухудшении демографической ситуации, нельзя не отметить демографического эха катастрофы лета 2010 года, связанной с лесными пожарами и, по сути дела, химической атакой на ряд российских городов и населенных пунктов.

Августовская смертность превысила уровень 2009 года на 45 тыс. чел., июльская — почти на 15 тыс. чел. при том, что обычно отклонение месячной смертности не превышает 5 тыс. чел. Таким образом, можно предположить, что летняя жара, пожары и главным образом чудовищное по своему цинизму бездействие государства (которое и привело, наряду с уничтожением системы охраны лесов в интересах бизнеса, к катастрофическим последствиям) вызвали смерть не менее 50 тыс. чел., которые при прочих равных обстоятельствах должны были жить дальше.

В первой половине 2011 года средние данные естественной убыли, которые в целом соответствуют уровню 2010 года (2,0 человека на тысячу живущих), маскируют неравномерность демографической ситуации: при общем превышении числа умерших над родившимися в 1,17 раза в двух десятках наиболее интенсивно вымирающих регионов превышение составило 1,5–2,2 раза. Естественный прирост населения наблюдается лишь в 20 регионах.

Значительная убыль населения (коэффициент более 7,0 на 1 тыс. чел.) наблюдалась в первой половине 2011 года в 17 регионах: Псковской (– 10,5), Тульской (– 9,3), Тверской (– 9,0), Новгородской (– 8,6), Тамбовской (– 8,0), Ивановской (– 7,8), Владимирской (– 7,5), Смоленской и Рязанской (по – 7,4), Воронежской (– 7,1) и Ленинградской области (– 7,0).

Значительный естественный прирост населения (более 3 промилле) наблюдался в 13 регионах: Калмыкии (3,3), Тюменской области (3,3), Бурятии (3,4), Кабардино-Балкарии (3,9), Ненецком АО (4,6), Якутии (7,4), Республике Алтай и Ханты-Мансийском АО (по 9,4), Ямало-Ненецком АО (9,9), Дагестане (10,4), Тыве (14,7), Чечне (21,2) и Ингушетии (22,4). Таким образом, в 4 регионах естественный прирост населения превысил 1%, а в Чечне и Ингушетии — 2%.

Заслуживает внимания феномен Тывы с высокой рождаемостью при том, что более 60% детей там рождаются вне брака; вероятно, среди населения этой республики “в составе Российской Федерации” широко распространено многоженство.

Наибольшая рождаемость в первой половине 2011 года наблюдалась в Чечне (26,6 ребенка на тысячу населения при среднероссийском уровне в 11,9), Ингушетии (26,5), Тыве (26,1), Республике Алтай (22,0), Якутии (16,6), наименьшая – в Ленинградской (8,2), Тамбовской (8,8) областях, Тульской области и Мордовии (по 9,0), а также в Воронежской области (9,4).

Наибольшая смертность наблюдалась в Псковской области (20,4 человека на тысячу жителей, то есть умерло более 2% населения, – при средней российской смертности в 13,9 человека на тысячу), Тверской (19,3), Новгородской (19,0), Тульской (18,3), Владимирской, Ивановской и Курской (по 17,6) областях, наименьшая – в Ингушетии (4,1), Чечне (5,4), Ямало-Ненецком АО (5,5), Дагестане (5,8) и Ханты-Мансийском АО (6,7). Вымирают традиционные русские области, даже с развитой промышленностью, а наименьший уровень смертности наблюдается в богатых “газовых” и “нефтяных” автономных округах и кавказских республиках, получающих максимальные финансовые средства от центра.

2.2. Младенческая смертность

Младенческая смертность, являющаяся обобщающим показателем качества жизни, в первой половине 2011 года продолжила неуклонное снижение – с 8,1 на тысячу родившихся в первой половине 2009 года до 7,6 в январе–июне 2010 и 7,1 в аналогичном периоде 2011 года.

Низкий уровень младенческой смертности (6,1 на тысячу родившихся и менее) наблюдается в 30 регионах России, в том числе очень низкий (5,1 и менее) – в 9 регионах: Чувашии и Санкт-Петербурге (по 3,6), Тамбовской (3,7), Тюменской без АО (4,5), Белгородской (4,7) областях, Республике Коми (4,8), Смоленской и Калининградской областях (по 4,9) и Сахалинской области (5,0).

Высокий уровень младенческой смертности (8,1 промилле и более) наблюдается в 22 регионах, в том числе очень высокий (9,1 и выше) – в 19 регионах. От Курской области (9,1) и Хабаровского края (9,4), Дагестана (13,7), Ненецкого АО (14,4), Тывы (14,8), Еврейской АО (14,9) и Чечни (16,5). Причём в Чечне, Тыве, Еврейской и Ненецкой АО смертность выросла. То же, что уж ни в какие ворота не лезет, можно сказать о... Москве!

2.3. Насильственные смерти

Все смерти, деликатно именующиеся в статистике “смертями по внешним причинам” (убийства, самоубийства, отравления некачественным алкоголем, транспортные происшествия и иные несчастные случаи), являются по сути своей насильственными. При абсолютной случайности большинства их общий уровень выражает уровень риска для жизни и, соответственно, степень опасности того или иного региона для его жителей.

Число погибших от “внешних причин” в расчете на 100 тыс. чел. снизилось в первой половине 2011 года на 7,5% – до 131,4 по сравнению со 142,1 в аналогичном периоде 2010 года.

Наиболее безопасными (для своих жителей, что принципиально) регионами России являются Чечня (26,6 погибших от “внешних причин” на 100 тыс. жителей), Ингушетия (44,0), Москва (53,0), Дагестан (56,3), Северная Осетия (71,0) и Нижегородская область (71,1). Наиболее опасные для своих жителей территории нашей страны – Тыва (361,9 погибших от “внешних причин” на 100 тыс. чел.), Республика Алтай (269,8), Еврейская АО (256,4), Амурская область (251,3) и Забайкальский край (250,9).

Наибольший рост уровня опасности повседневной жизни и, соответственно, наибольшее увеличение смертности от “внешних причин” наблюдается, как это ни парадоксально, в самом безопасном для своих жителей регионе России – Чечне (на 30,4%). Далее идут Ямало-Ненецкий АО (на 15,5%), Кабардино-Балкария (на 11,4%).

Понятно, что высокий уровень опасности оказывает негативное влияние на демографические перспективы любой территории.

2.4. Браки и разводы

Отношение числа разводов и браков характеризует прочность семейных отношений, что оказывает значительное влияние на демографические перспективы людей человеческой общности.

Одним из ярчайших проявлений демографического неблагополучия России и античеловеческого характера уничтожающих ее либеральных реформ является практически неуклонный рост как численности детей, рожденных вне брака, так и их удельного веса в общей численности рождающихся детей: с 14,6% в 1990-м и 18,2% в 1993 году до 26,1%* в 2009 году.

Прочность семьи в первой половине 2011 года незначительно снизилась: число разводов на 1 тыс. заключенных браков после резкого снижения в 2010 году выросло на 1,0% – с 670 до 677.

Наибольшее число разводов на тысячу заключенных браков наблюдается в Чукотском АО (1070, то есть разводов больше, чем свадеб), а также Ленинградской (953), Магаданской (952), Астраханской (878), Сахалинской (867), Иркутской (816), Воронежской (812) и Калужской (806) областях, наименьшее – в Чечне (107), Ингушетии (136), Дагестане (226), Тыве (387), Кабардино-Балкарии (445), Северной Осетии (455) и Карачаево-Черкесии (528).

При этом значительный рост числа разводов отмечен в Ингушетии (на 28,3%), Чукотском АО (27,1%), в Иркутской (23,1%) и Астраханской (17,2%) областях, Хакасии (16,8%).

2.5. Наиболее и наименее благополучные регионы России

Сопоставление отклонения от среднероссийского уровня рождаемости и смертности, а также младенческой смертности, смертности от “внешних причин” и прочности семьи позволяет выделить наиболее и наименее демографически благополучные регионы.

Наиболее благополучными следует признать: Чечню (индекс текущего демографического состояния составляет 238,8, то есть превышает среднероссийский уровень почти в 2,4 раза), Ингушетию (229,9), Дагестан (163,9), Тыву (152,0), Кабардино-Балкарию (134,9), Ханты-Мансийский АО (134,5), Москву (132,5), Санкт-Петербург (129,0), Северную Осетию (121,4), Карачаево-Черкесию (121,2).

Наименее благополучны с демографической точки зрения Еврейская АО (72,7), Чукотский АО (75,2), Приморский край (78,2), Амурская (79,1), Новгородская (79,5), Тверская (81,2) и Курганская (82,4) области, Ненецкий АО (83,6), Псковская (83,8) и Брянская (84,8) области.

Однако рассмотрения лишь текущей демографической ситуации недостаточно; не менее важно учитывать и ее изменение, которое отражает индекс динамики демографического состояния.

Серьезные улучшения демографической ситуации наблюдались в первой половине 2011 года в Рязанской области (индекс равен 114,5), Карачаево-Черкесии (110,7), Псковской области (109,5), Красноярском крае (109,4), Санкт-Петербурге (109,0), Тюменской области без АО (106,5), Мордовии (106,4), Чувашии (105,4) и Нижегородской области (105,1), а также Магаданской области и Забайкальском крае (по 104,6).

Наихудшая динамика демографической ситуации наблюдалась в Чукотском АО (индекс динамики демографического состояния – 68,4), Ненецком АО (82,5), Еврейской АО (85,9).

Совмещение индексов текущей демографической ситуации и ее динамики позволяет вывести общий, итоговый индекс демографического положения регионов (как их среднее арифметическое).

Регионы России с наилучшим демографическим положением (указан итоговый индекс демографического положения):

Ингушетия – 151,9

Чечня – 143,9

Дагестан – 126,9

Тыва – 118,9

* Это среднероссийский показатель; в Тыве, напомним, формально вне брака рождается более 60% детей, – хотя в данном регионе это, скорее, свидетельствует не столько о разрушении семьи, сколько о возврате к ее патриархальной модели, не соответствующей российскому законодательству.

Санкт-Петербург – 118,6
Москва – 117,3
Карачаево-Черкесия – 115,8
Ханты-Мансийский АО – 114,3
Омская область – 110,6
Красноярский край – 110,4.

Регионы с наихудшим демографическим положением:

Чукотский АО – 71,7
Еврейская АО – 79,0
Ненецкий АО – 83,0
Нижегородская область – 85,0
Приморский край – 86,3
Камчатский край – 86,8
Курганская область – 87,4
Амурская область – 88,5
Орловская область – 89,0
Ивановская область – 89,4.

3. ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ И БУДУЩЕЕ РОССИИ

Негативная демографическая ситуация оказалась полной неожиданностью для системы управления, ориентированной на уходящую демографическую структуру общества. В результате эта система начала захлебываться, как мотор без топлива: ей не хватает населения.

Наиболее ярким примером служат армия (в которой нарастающее падение численности призывников, и тем более здоровых призывников, наблюдается с 2007 года), а также система образования, рынок которого начинает “схлопываться”, оставляя без работы значительную часть преподавателей вузов и усугубляя объективно присущий этой системе монополизм.

С каждым годом обостряется проблема обезлюживания (как в силу вымирания, так и в результате бегства населения) Сибири и Дальнего Востока, которая может привести к утрате контроля за этими территориями уже при жизни нашего поколения.

Сокращение численности молодежи в сочетании с частичным восстановлением продолжительности жизни увеличивает социальную нагрузку на нее. Хотя пенсионный кризис в настоящее время вызван отсутствием должного контроля за пенсионными средствами и запретительно высоким налогообложением основной массы россиян (по безумному принципу “чем человек беднее, тем больше он должен платить”), рост реальной социальной нагрузки уже носит болезненный характер (в частности, когда один молодой человек должен, по сути, содержать двух своих родителей, которым государство отказывает в достаточной для выживания пенсии).

Сокращение удельного веса молодежи и увеличение – пожилых людей меняет социально-психологический климат, дополнительно усиливает атмосферу деструкции и увядания.

Однако все это – лишь частные проявления неспособности системы управления реагировать на заметное сокращение численности людей, драматического сокращения молодежи и рост удельного веса старших поколений.

Другой, и значительно более глубокой проблемой, является стремительное изменение этнокультурного баланса, меняющего само лицо России.

Масштабы этого изменения вполне наглядно видны из сопоставления наиболее быстро вымирающих и прирастающих населением регионов. Более того: даже в традиционных “русских” регионах значительная часть прироста населения обеспечивается переселенцами с Кавказа и Средней Азии (в частности, столкновение со школьниками, не владеющими русским языком и не желающими подчиняться женщинам-учителям, часто при полной поддержке своих родителей, стало кошмаром значительной части учителей школ, расположенных в центре России).

Политические последствия этого продолжающегося демографического перелома, лишь усугубляемого последовательно проводимой (прежде всего в силу коррупционных интересов и стремления к снижению издержек за счет

почти рабского труда гастарбайтеров) политикой правящей бюрократии, представляются вполне очевидными. Весьма вероятно, что уже на нашей памяти на смену социальному противостоянию в России придет противостояние, хотя и не национальное, но этнокультурное – и это будет означать колоссальный шаг к деградации и архаизации всего российского общества.

Сокращение численности русской по культуре молодежи сопровождается ростом молодежи иных этнокультурных групп. Поскольку “новая молодежь” несет социальную нагрузку в значительно меньшей степени (в силу нетрадиционного для России образа жизни), чем традиционные группы, это повышает социальную нагрузку на добросовестную часть общества и способствует ее размыванию. Другое следствие – возникновение объективного основания для форсированного уничтожения социальной сферы, о котором в коррупционных интересах грезит правящая тусовка.

Общее снижение удельного веса молодежи вроде бы повышает стабильность общества, уменьшая вероятность “арабской весны”. Однако в этнокультурных группах, склонных к изоляции от российского общества, доля молодежи, напротив, стремительно растет; в результате естественное для молодых ниспровержение порядков может обратиться против местного населения и госструктур.

Постепенно формируется новое общественное противоречие, которое грозит стать основным для России: между стареющими носителями русской культуры и профессиональных навыков, с одной стороны, и молодёжно-этнических кланов с другой.

Вызревание этого конфликта кардинально ускоряется тем, что изменения в составе элиты идут значительно быстрее, чем в массе населения в целом: сплоченные этнические кланы стремительно “вычищают” из власти разрозненных горожан даже там, где составляют незначительную часть населения (классическим примером является Адыгея, где доля “коренной национальности” лишь немногим превышает четверть населения).

Поскольку общество, подчиняясь элите, принимает ее обычаи и правила, это ведет к стремительной архаизации социального устройства, классическим проявлением которой стала расцветшая именно в 2000-е годы клановость.

Образованные носители русской культуры выдавливаются путём создания для них невыносимых условий.

Следствие – **утрата Россией русского лица**, качественное изменение ее не только этнического, но и культурного состава: “старые мехи” российской территории наполняет “новое вино” в лице представителей кавказских и азиатских народов.

Утрата культуры в общечеловеческом плане неминуемо аукнется и в технологической сфере. Социальная и этническая архаизация неминуемо приведут к продолжению и углублению идущей 20 лет технологической деградации, которая может приобрести качественный характер в виде крупномасштабных техногенных катастроф.

4. НЕКОТОРЫЕ НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Принципиально важно понимать, что в силу комплексного характера демографических проблем их решение невозможно без оздоровления всего общества.

Безусловно, современное стимулирование рождаемости “материнским капиталом”, который нельзя использовать в наиболее тяжелые первые три года воспитания ребенка и в принципе нельзя использовать на наиболее насущные нужды (например, питание и лечение), представляет собой издевательство над материнством и детством.

Ограничение пособия по беременности, приведшее к широким и публичным протестам беременных женщин, также является одним из ярких примеров государственного издеательства над материнством.

Стимулирование рождаемости должно осуществляться только в регионах с дефицитом населения и заключаться прежде всего в выплате регулярного пособия, достаточного для ухода за ребенком, по крайней мере, в первые годы его жизни.

Однако оно окажет лишь незначительное влияние без оздоровления социальной среды в целом, что требует полного прекращения либеральных реформ и восстановления разрушенной ими социальной сферы (в первую очередь доступного здравоохранения и образования).

Создание для детей человеческих условий требует искоренения хотя бы нищеты, то есть гарантирования государством реального (а не издевательски заниженного) прожиточного минимума.

Нормализация межнациональных отношений, прекращение вытеснения носителей русской культуры с рынка труда (а значит, и из жизни) дешевым трудом гастарбайтеров требует, как минимум, кардинального ограничения коррупции.

Возвращение смысла жизни значительным массам россиян требует создания привлекательных рабочих мест и модернизации экономики. А это невозможно без ограничения произвола монополий, разумного протекционизма (по примеру Евросоюза), а затем проведения комплексной модернизации всей технологической инфраструктуры.

И лишь на фоне этих преобразований имеет смысл осуществлять целевые меры по повышению рождаемости и снижению преждевременной смертности.

5. ВОЗМОЖЕН ЛИ ПЕРЕЛОМ?

Негативные демографические тенденции, как было показано выше, лишь в сравнительно небольшой степени обусловлены объективными обстоятельствами. Неадекватная государственная политика вызвана не фатальным недостатком интеллекта либо организационных способностей, но глубоко порочным целеполаганием: подчинением государственной машины интересам, с одной стороны, глобального бизнеса (в рамках либеральной идеологической парадигмы), с другой стороны – коррупционным интересам во многом обслуживающей этот бизнес правящей тусовки.

Сложившаяся на этой основе система является жесткой, целостной, внутренне непротиворечивой – и не только не имеющей отношения к нуждам и потребностям российского общества, но и, насколько мы видим, в принципе не совместимой с самим его существованием.

Созданная для обслуживания этой совокупности интересов политико-административная система обладает достаточно высокой эффективностью, в критических для себя ситуациях способна проявлять гибкость, достаточно радикально трансформировать свою организационную структуру и даже обновлять ключевые кадры (как мы видели после дефолта 1998 года). Она не поддается эволюционной переориентации на обслуживание интересов российского общества, не нуждается в такой переориентации и, насколько можно судить в настоящее время, не способна на нее в принципе.

Для перелома негативных демографических тенденций необходимо прекратить уничтожение России при помощи либеральных реформ и начать активно проводить социально-экономическую политику, нацеленную на интересы не глобального бизнеса и коррумпированной правящей тусовки, но самого российского общества.

Это потребует изменения самой системы целеполагания российской государственности, что означает ее кардинальное оздоровление и преодоление ситуации, когда почти повсеместная и практически не скрывающаяся коррупция производит впечатление не преступления, но основы государственного строя.

Такое изменение представляется возможным в условиях системного кризиса, к которому данная управляющая система неминуемо приведет страну. Утратив управление в условиях развертывания кризисных тенденций российского общества (нехватка средств из-за растущей коррупции; межнациональный кризис, разрушение технологического наследия советской цивилизации, внутрибюрократический межклановый конфликт), часть управляющей системы покинет страну, не желая рисковать интересами своих выведенных за рубеж активов. Это приведет к фактическому разрушению сложившейся системы и создаст условия для ее переформатирования.

Всесторонняя подготовка к этому моменту должна быть главным делом всех ответственных сил и элементов современного российского общества.